

## Почему граждане доверяют полиции?<sup>1</sup>

*Руслан Мухаметов*

Кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук  
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина  
Адрес: пр. Ленина, д. 51, г. Екатеринбург, 620083 Российская Федерация  
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Данное исследование посвящено изучению факторов, влияющих на уровень доверия к российской полиции. Основной вопрос работы состоит в том, чтобы понять, почему одни граждане доверяют правоохранительным органам, а другие — нет. Для достижения этой цели были использованы данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследования ценностей. Метод анализа — порядковая логистическая регрессия. В статье речь идет о том, что более благоприятное отношение к правоохранительным органам связано с более низкой коррупцией. Автор пришел к выводу, что граждане с более высоким уровнем доверия в целом имеют положительное отношение к полиции. Установлено, что уровень доверия постматериалистов к правоохранительным органам ниже, чем у материалистов. Статистический анализ показал, что рост числа граждан с посматериалистическими ценностями приводит к снижению уровня доверия к полиции. Автор выявил, что мужчины обладают более низким уровнем доверия к правоохранительным органам по сравнению с женщинами. Значимость исследования заключается в том, что оно может предоставить полезные и практические рекомендации для улучшения работы полиции и повышения уровня доверия общества к ней.

*Ключевые слова:* полиция, правоохранительные органы, доверие, коррупция, СМИ, этнические меньшинства

Доверие к полиции имеет значение для снижения уровня преступности и насилия. Граждане, которые доверяют правоохранительным органам, могут помочь, сообщая о виденных ими преступлениях и предоставляя важную информацию, которая приведет к аресту преступников. Исследования показывают, что полиция может способствовать снижению уровня преступности посредством эффективных услуг, сведения к минимуму неправомерных действий и улучшения процессуальной справедливости (Kochel, Weisburd, 2019). Высокий уровень доверия к полиции приводит к соблюдению гражданами законов и готовности сотрудничать с правоохранительными органами (Koster, 2017). Принимая во внимание важность доверия к правоохранительным органам для политических и социально-экономических аспектов развития страны, изучение факторов, определяющих доверие к полиции, стало важным направлением академических исследований.

Предыдущие работы были в основном сосредоточены на изучении проблемы доверия граждан к полиции США (Browning, Merlino, Sharp, 2021; White, Kyle,

---

1. Статья представляется в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций.

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

Schafer, 2021), КНР (Li, Sun, Wu, Liu, 2021; Wu, Sun, Hu, 2021), Великобритании (Wuschke, Henning, Stewart, 2022). Доверие граждан к полиции стало объектом изучения в Украине (Beck, Chistyakova, 2002), Финляндии (Kaariainen, Siren, 2011), а также России (Reynolds, Semukhina, Demidov, 2008). Впрочем, пока этого недостаточно. Министерство внутренних дел (МВД) является крупнейшим из правоохранительных органов РФ, в нем работает почти миллион человек<sup>2</sup>, но оно организовано иерархически и разделено на специализированные подразделения, каждое из которых выполняет определенные функции (обеспечение безопасности дорожного движения, охрана общественного порядка, уголовный розыск и т. д.). Все они требуют дополнительного исследования.

По данным проправительственного полстера, индекс одобрения деятельности правоохранительных органов в России в сентябре 2023 года составлял 31 пункт, что позволяло им находиться на третьем месте, уступая вооруженным силам (67) и РПЦ (40), но опережая общественную палату (22), политические партии (9) и другие общественные институты<sup>3</sup>. Высокий уровень доверия к сотрудникам полиции подчеркивается и в ряде аналитических обзоров<sup>4</sup>. Результаты социологических опросов о деятельности полиции в РФ, проведенные ВНИИ МВД, свидетельствуют о положительных показателях ее оценки гражданами страны<sup>5</sup>. Этому существует несколько объяснений. Во-первых, возросшее доверие к полиции является отражением растущего институционального доверия к президенту, армии и другим органам исполнительной власти, вызванного «патриотической мобилизацией», начавшейся в России после присоединения Крыма (Мухаметов, 2022; Semukhina, 2018). Во-вторых, обычно при переходе от гибридного режима к авторитарной системе доверие к полиции, фиксируемое социологическими опросами, может несколько расти, т.к. публично распространяемая информация о деятельности правоохранительных органов носит ограниченный характер (у людей меньше объективной информации о работе полиции), сами граждане боятся открыто высказываться по данному поводу и т.п. (Гимпельсон, Монусова, 2012). Наконец, в более демократических государствах институциональное доверие ниже в силу того, что при демократии, чтобы защитить гражданина от посягательств государственной власти, недоверие институционализировано (Rosanvallon, Goldhammer, 2008). Как заметил П. Штомпка, демократическое устройство представляет собой «институционализированное недоверие», связанное с разделением властей и системой сдержек и противовесов (Штомпка, 2016).

---

2. Путин подписал указ о предельной штатной численности органов внутренних дел РФ // Интерфакс. 05.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/875482> (дата обращения: 25.07.2024).

3. Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/> (дата обращения: 25.07.2024).

4. Доверие к полиции: мониторинг // ВЦИОМ. 2022. 10 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring> (дата обращения: 25.07.2024).

5. О результатах изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2023 году по данным ФГКУ «ВНИИ МВД России» // МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 25.07.2024).

Основной вопрос настоящего исследования состоит в следующем: что влияет на доверие к полиции? Почему одни граждане ей доверяют, а другие — нет? Наша статья не является первой работой, которая посвящена поиску ответов на эти вопросы. Одни ученые считают, что определяющим фактором доверия выступает опыт взаимодействия граждан с полицией, который позволяет получить общее представление о компетенции ее сотрудников и качестве оказываемых услуг (Зуева, Демидов, 2022). Эти исследователи подчеркивают, что контакты с правонарушениями отдельных сотрудников правоохранительных органов подрывают доверие общественности к институту в целом, вызывая нежелание граждан сотрудничать с ним (Zernova, 2012). Наиболее благосклонно оценивают деятельность правоохранителей социально пассивные слои населения с небольшим опытом контактов с полицией (Мазаев, 2004; Майоров, Дунаева, 2017).

Цель данной статьи заключается в изучении истоков доверия граждан к правоохранительным органам в стране. Для этого используются данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследования ценностей. Нами проведено также тестирование влияния детерминант, которые отражают степень эффективности работы полиции, восприятия уровня коррупции в правоохранительных органах, просмотра ТВ-новостей и т. д.

### **Концептуализация доверия к полиции**

«Доверие» — это ключевое слово для обозначения множества явлений, которое позволяет людям идти на риск в отношениях с другими, решать проблемы коллективного действия или использовать способы, кажущиеся противоречащими стандартным определениям личных интересов (Levi, 1996). Концепция доверия подразумевает «готовность стороны быть уязвимой перед действиями другой стороны, основанную на ожидании, что другая сторона выполнит конкретное действие, важное для доверителя, независимо от способности контролировать эту другую сторону» (Mayer, Davis, Schoorman, 1995). Иными словами, доверие предполагает, что индивид делает себя уязвимым перед другим человеком, группой или учреждением, которые способны причинить ему вред или предать его (Levi, 2000). Таким образом, социальное доверие есть пример того, что Д. Норт назвал неформальным институтом, выражающим устоявшиеся системы представлений о поведении других людей (Норт, 1997). Социальное доверие можно рассматривать как актив или социальный капитал (Коулман, 2001). Исследователи утверждают, что заслуживающий доверия субъект — это тот, кто способен и последователен в том, чтобы не использовать уязвимость доверенного лица (Möllering, 2006). Необходимо отметить, что доверие теоретически можно отличить от надежности. Доверие — это психологическое состояние доверителя и его готовность быть уязвимым перед доверительным управлением в условиях неопределенности. Надежность, напротив, относится к убеждениям или ожиданиям доверительного управляющего, которые часто используются для формирования основы доверия (PytlikZillig et al., 2016).

Термин «доверие к полиции» относится к уверенности общественности в способности сотрудников полиции выполнять свои задачи профессионально и этично (Hardin, 2002), т. е. доверие можно определить как предположения людей о том, что отдельные сотрудники делают и будут делать то, что им поручено, выполнять свои функции (Jackson, Gau, 2016). Дж. Джексон со своими коллегами представляют одно из наиболее полных определений доверия к полиции следующим образом: вера в то, что у полиции существуют правильные намерения по отношению к гражданам, они компетентны действовать определенным образом в конкретных ситуациях, в соответствии с ожиданиями граждан, эффективно бороться с преступностью, беспорядками и другими формами чрезвычайных ситуаций, а также быть беспристрастными и справедливыми (Jackson et al., 2011). Доверие к полиции стоит рассматривать как диффузное, которое Дж. Деннис определил как включающую в себя добрую волю, обычно направленную не на должностных лиц (Dennis, 1976).

В настоящем исследовании полиция понимается как специализированная группа людей, основная формальная ответственность которых состоит в обеспечении общественной безопасности (Reynolds, Semukhina, Demidov, 2008), а сотрудники полиции рассматриваются как «уличные бюрократы» (Lipsky, 1983).

Модель доверия к полиции сводится к четырем положениям: 1) отождествление интересов полиции с потребностями и озабоченностями сообщества; 2) ожидание, что полиция относится к людям одинаково справедливо, проявляя уважение при непосредственных контактах; 3) демонстрация одинакового понимания морали у общества и полиции; 4) суждения о компетентности (эффективности) полиции в борьбе с преступностью<sup>6</sup>. Таким образом, доверие к полиции имеет следующие измерения: уверенность в том, что система и отдельные сотрудники будут эффективными, справедливыми и будут демонстрировать ценности, которые соответствуют вашим собственным или общественным.

В данном исследовании рассматриваются два типа доверия к полиции. Первый — это *институциональное доверие*. Оно отражает суждения, которые обычно обнаруживаются в опросах общественного мнения или обсуждаются среди политологов. Институциональное доверие возникает, когда представители общественности рассматривают полицию как честный и компетентный орган власти, выполняющий свои институциональные обязанности от имени всех граждан. Второй тип доверия предполагает выводы о намерениях полиции и отражает концепцию *фидуциарного доверия*, которая занимает центральное место в дискуссиях в среде юристов. Доверие людей основано на предположении, что у сотрудников полиции благожелательные и заботливые намерения по отношению к гражданам, что они честно прилагают усилия для удовлетворения их потребностей и решения проблем (Tyler, 2005).

---

6. Hohl K. The role of mass media and police communication in trust in the police: New approaches to the analysis of survey and media data. URL: [http://etheses.lse.ac.uk/213/1/Hohl\\_The\\_role\\_of\\_mass\\_media\\_and\\_police\\_communication\\_in\\_trust\\_in\\_the\\_police.pdf](http://etheses.lse.ac.uk/213/1/Hohl_The_role_of_mass_media_and_police_communication_in_trust_in_the_police.pdf) (дата обращения: 10.07.2024).

### Детерминанты доверия к полиции: теоретические объяснения и рабочие гипотезы

В научной литературе существует несколько теоретических подходов, которые объясняют формирование у граждан доверия к полиции.

*Модель эффективности* является одной из наиболее часто используемых для объяснения общественного доверия к институтам. Эта модель предполагает, что готовность людей принимать институты власти, в том числе и правоохранные, и сотрудничать с ними связана с оценками их деятельности. Теория эффективности утверждает, что доверие людей к полиции определяется результатами ее работы, например, низким уровнем преступности (Jang, Joo, Zhao, 2010). Эффективность работы полиции — это степень, в которой полиция оперативно реагирует на запросы и проблемы граждан, а также предпринимает соответствующие действия для обеспечения охраны и безопасности общества (Kristina, 2009). Можно обозначить два подтипа в модели эффективности: микро- и макроэффективность. Первый связывает уровень доверия к институтам с различиями в фактическом предоставлении услуг: чем больше граждане видят, что их ожидания оправдались, тем они будут больше доверять институтам. Теория макроэффективности утверждает, что различия в доверии граждан к институтам возникают из-за различий в спектре социальных явлений, ответственность за которые возлагается на институт. О деятельности полиции можно судить на макроуровне, учитывая уровень преступности, степень безопасности, уровень страха перед преступностью и беспорядков в районе проживания (van Craen, 2012). Таким образом, способность или неспособность полиции эффективно бороться с преступностью и предоставлять услуги рассматривается как фактор, определяющий значимость общественных оценок доверия к правоохранным органам.

Вторым теоретическим подходом, который используется для объяснения доверия к полиции, является *фактор коррупции*, который описывается как «главный разрушитель доверия» из-за его влияния на восприятие процессуальной справедливости или степени, в которой для разрешения конфликтов используются справедливые действия, что является ключевым компонентом доверия к полиции (Tankebe, 2010). Коррупция обычно определяется как злоупотребление государственной должностью в личных целях или, в более широком смысле, злоупотребление вверенной властью для личной выгоды (Роуз-Аккерман, 2003). Теоретические рассуждения о влиянии коррупции на доверие к полиции опираются на теорию институционального доверия Б. Ротштейна и Д. Столле. Она основывается на понимании, что представления индивида о честности, оправданности и эффективности конкретного института влияют на его общее доверие (Rothstein, Stolle, 2001). Другими словами, степень воспринимаемой справедливости и беспристрастности институтов, ответственных за реализацию государственной политики, служит важной основой для создания и поддержания высокого институционального доверия, которое, в свою очередь, влияет на доверие к другим. Если в обществе

бытует мнение о том, что чиновники коррумпированы и нечестны, то граждане будут убеждены в невозможности доверять государственным служащим, которым законом предписано служить общественным интересам (Ротштейн, 2017). Исследователи исходят из того, что современные политические институты являются важными детерминантами социального капитала, способны оказывать влияние на всеобщее доверие. Люди будут доверять тому политическому или общественному институту, который управляется и руководствуется принципами беспристрастности и справедливости (Rothstein, Stolle, 2003). Б. Ротштейн и Я. Теорелл предложили следующее определение беспристрастности: в своей работе должностные лица органов исполнительной власти не должны принимать во внимание ничего, касающегося гражданина и/или дела, что заранее не оговорено в законе (Rothstein, Teorell, 2008). А. Мунгиу-Пиппиди предпочитает описывать беспристрастность на государственной службе как «этический универсализм» (который противопоставляется «партикуляризму») (Mungiu-Pippidi, 2013).

На восприятие гражданами полиции влияют сообщения *средств массовой информации* или телевизионные репортажи о действиях полиции. В данном случае речь идет о теории культивирования Дж. Гербнера, которая утверждает, что большее потребление СМИ увеличивает вероятность принятия аудиторией идеологии медиасообщений (Gerbner et al., 1982). Иными словами, зрители принимают точку зрения, которую им навязывают СМИ. В рамках данного подхода освещение событий в новостях о полиции основывается на простой гипотезе: большее воздействие негативных сообщений о полиции приведет к более негативному отношению к правоохранительным органам, и наоборот. Телевидение не «создает» и не «отражает» образы, мнения и верования, оно выполняет функцию относительной гомогенизации, поглощения различных точек зрения и сближения несопоставимых взглядов и ценностей, т. е. выполняет функцию «мейнстриминга» (Gerbner, 1988). Необходимо отметить, что, согласно модели зависимости от медиасистемы, СМИ оказывают значительное воздействие при следующих условиях: наличие неудовлетворенных потребностей в информации у граждан, а также в периоды структурных изменений и конфликтов в обществе (Ball-Rokeach, DeFleur, 1976).

Российское правительство доминирует в национальном медиапространстве. Оно владеет или контролирует подавляющее большинство средств массовой информации, включая наиболее важную форму массовой коммуникации — телевидение (Becker, 2004, 2014). СМИ, аффилированные с правительством, не выполняют функцию «сторожевого пса» (Oates, 2007). Исходя из этого, можно предположить, что проправительственное телевидение поддерживает (или должно поддерживать) представления о полиции, которая способна контролировать преступность; новостные ТВ-сюжеты используются для создания образа честного, трудолюбивого и неподкупного сотрудника правоохранительного органа. Другими словами, освещение деятельности полиции близкими к правительству СМИ включают, как правило, позитивные материалы о правоохранительных органах.

Таким образом, исходя из теоретических рассуждений, можно сформулировать ряд рабочих гипотез:

*Гипотеза 1:* чем выше уровень преступности в районе проживания, тем меньше доверие к полиции.

*Гипотеза 2:* чем выше уровень восприятия коррупции, тем меньше граждане доверяют правоохранительным органам.

*Гипотеза 3:* лица, которые получают информацию из ТВ-новостей, больше доверяют полиции.

### **Источники данных, описание переменных и методы исследования**

*Источником данных* выступают результаты 7-й волны (2017–2022 гг.) Всемирного исследования ценностей (World Values Survey). Это крупнейшая международная и некоммерческая программа по изучению человеческих убеждений и ценностей. Социологический опрос в России был проведен в 2017 году (опрошено 1810 респондентов). Основным методом сбора данных в опросе было личное интервью у респондента дома/по месту жительства. Итоговая выборка составила 1638 опрошенных (исключены пропущенные значения).

*Переменные.* Зависимая переменная — доверие к полиции — операционализируется через ответы опрошенных на вопрос «Я перечислю Вам сейчас некоторые организации и общественные институты. Скажите, насколько Вы доверяете каждому из них — полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете?».

Выбор независимых переменных определялся теоретическим подходом исследования и поставленными гипотезами.

В рамках первой гипотезы проверяется влияние переменной, которая отражает уровень виктимизации респондентов. Измерение данного регрессора (переменная «Преступность») производится через ответы на вопросы: 1) «Насколько Вы чувствуете себя в безопасности в наши дни?» (в полной безопасности, довольно безопасно, не очень безопасно и совсем небезопасно); 2) «Как часто в районе, где Вы живете, случаются кражи, грабежи? (очень часто, довольно часто, нечасто, редко/никогда).

Вторая гипотеза предполагает тестирование теории институционального доверия Ротштейна и Столле. Для ее проверки переменная «Коррупция» была операционализована через ответы на следующий вопрос: «Мы хотели бы узнать о Вашем опыте общения с местными органами власти и организациями, предоставляющими государственные услуги, — полицией, юристами, врачами, учителями, работниками социальных служб. Как часто, по Вашему опыту, обычные люди вроде Вас или живущие с Вами по соседству вынуждены давать взятки, дарить подарки или делать одолжения другим для того, чтобы были решены их вопросы или оказаны услуги, на которые они и так имеют право, — никогда, редко, часто или всегда?» Для удобства интерпретации данная переменная была перекодирована

таким образом, чтобы минимальное значение (1) соответствовало наибольшему уровню восприятия коррупции («всегда»).

Проверка третьей гипотезы осуществляется через ответы опрошенных на вопрос: «Люди узнают о происходящем в России и в мире из разных источников... скажите, пользуетесь Вы им каждый день, каждую неделю, каждый месяц, реже чем раз в месяц или никогда?» В качестве источника информации были взяты телевизионные новости.

В список контрольных переменных включены ряд регрессоров:

Переменная «Социальное доверие» измеряется через ответы на следующий вопрос: «По каждой группе, которую я буду называть, скажите, Вы полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете этим людям?» В данном случае такой группой являются лица, с которыми респондент встречается в первый раз. По мнению Э. Усланера, склонность доверять другим людям представляет собой результат воспитания и социализации. Доверию человек (ребенок) учится у своих родителей. Корни доверия закладываются в раннем детстве (Uslaner, 2002).

Переменная «Возраст» была измерена путем преобразования года рождения в возраст респондента на момент опроса.

Переменная «Образование» является порядковой переменной, которая варьируется от 0 (вообще не учился в школе или закончил лишь 1–2 класса школы) до 8 (научная степень — кандидат или доктор наук). Для удобства интерпретации данная переменная была перекодирована таким образом, чтобы минимальное значение (0) соответствовало наибольшему уровню образования.

Переменная «Нацменьшинства» операционализирована через ответы респондентов на вопрос из анкеты: «К какой национальности Вы бы себя отнесли: русский, татарин, украинец, белорус, еврей, другой». Переменная получает значение «1», если опрошенный в качестве своей этнической принадлежности указал русский, и значение «0» — во всех остальных случаях. Обращение к данной переменной обусловлено результатами предшествующих исследований, которые показывают, что этнические меньшинства по сравнению с другими членами общества, как правило, менее удовлетворены полицией и меньше доверяют ей (Röder, Mühlau, 2012; Weitzer, Tuch, 2005). Утверждается, что это результат дискриминации и жестокого обращения с этническими меньшинствами со стороны этих учреждений: меньшинства с большей вероятностью становятся жертвами насилия и грубости полиции (Tyler, Huo, 2002), непропорционального применения полицейской силы (Weitzer, Tuch, 2005) и расового профилирования (Tyler, Wakslak, 2004). Данные исследования опираются на нормативный подход, представленный теориями справедливости, которые утверждают, что люди заботятся о справедливости результатов (распределительная справедливость) и о процедурах, с помощью которых они достигаются (процедурная справедливость). Теории распределительной справедливости предполагают, что люди хотели бы, чтобы все было «по справедливости», т. е. они хотели бы получить тот уровень наказания, которо-



го, по их мнению, они заслуживают. Теории процессуального правосудия предполагают, что люди сосредотачиваются на судебных процедурах, а не на результатах своего опыта. Если судья относится к ним справедливо, выслушивая их аргументы и рассматривая их, сохраняя нейтралитет и приводя веские обоснования своего решения, то люди будут позитивно реагировать на свой опыт, независимо от того, получают они благоприятный исход или нет (Tyler, 2006).

Термин «постматериализм» впервые был введен Р. Инглхартом. По его мнению, до 1970-х годов для людей были приоритетом так называемые материалистические ценности (физическое выживание, экономический рост и поддержание порядка). При низком уровне экономической безопасности важны сильная внутригрупповая солидарность, неприятие незнакомцев, подчинение групповым нормам, повиновение сильному лидеру. Низкий уровень жизни является благодатной почвой для развития религиозности, конформизма, ксенофобии, авторитаризма и традиционных гендерных норм. После Второй мировой войны в результате модернизации в западных странах произошел сдвиг от материальных установок к постматериалистическим ценностям, от ценностей выживания — к индивидуальному самовыражению. Постматериалисты придают первостепенное значение таким целям, как защита окружающей среды, права человека, гендерное равенство, толерантность, демократия (Вельцель, 2018; Инглхарт, Вельцель, 2011). Переменная «индекс Инглхарта» измеряется приоритетом людей при ответе на вопрос «Что Вы считаете следующим по важности?». Материалистические ценности отражают физическую или экономическую незащищенность (респонденты выбирают такие ответы, как поддержание порядка в стране и борьба с ростом цен), а ценности самовыражения — защита свободы слова и предоставление людям возможности больше влиять на правительство при принятии решений (Inglehart, 1977). Переменная получает значение «1», если опрошенный указал постматериалистические ценности; значение «0», если респондент выбрал материалистические ориентации.

Пол респондентов был закодирован как 1 (мужской) и 0 (женский).

Основные показатели описательной статистики по переменным представлены в таблице 1.

Таблица 1. Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Доверие к полиции	2,54	2	0,922	1	4
Преступность 1	2,19	2	0,822	1	4
Преступность 2	3,02	3	1,18	1	4
Коррупция	1,67	2	1,26	1	4
СМИ	1,71	1	1,21	1	5
Социальное доверие	2,97	3	0,963	1	4

Возраст	45,3	43	17,1	18	91
Образование	4,84	5	1,84	0	8
Нацменьшинства	0,847	1	0,415	0	1
Индекс Инглхарта	0,749	1	0,443	0	1
Пол	0,419	0	0,496	0	1

В силу того, что зависимая переменная представляет собой порядковую шкалу, методом анализа количественных данных была выбрана порядковая логистическая регрессия. Анализ данных осуществлен в прикладном программном пакете GRETl.

### Результаты исследования и их обсуждение

В данной части исследования осуществляется проверка влияния трех объясняющих предикторов, отражающих эффективность работы полиции, уровень коррупции в правоохранительных органах, влияние просмотра ТВ-новостей. Для тестирования сформулированных рабочих гипотез была построена порядковая логистическая регрессионная модель с учетом робастных оценок стандартных ошибок и с поправкой на гетероскедастичность (см. табл. 2). Важно отметить, что был сделан тест на обнаружение мультиколлинеарности. В исследовании был использован метод инфляционных факторов (VIF). Наибольшее значение VIF-фактора наблюдается у переменной «Возраст» (1,186). Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии мультиколлинеарности в построенной модели.

Таблица 2. Результаты эмпирического анализа

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Преступность 1	0,112	0,028	4,014	0,000***
Преступность 2	0,017	0,018	0,9578	0,3383
Коррупция	- 0,067	0,017	3,864	0,0001***
СМИ	0,026	0,019	1,382	0,1672
Социальное доверие	0,096	0,022	4,300	0,000***
Возраст	0,000	0,001	0,01151	0,9908
Образование	0,016	0,031	0,5309	0,5956
Нацменьшинства	0,005	0,056	0,09770	0,9222
Индекс Инглхарта	-0,137	0,048	-2,839	0,0046***
Пол	-0,209	0,044	-4,737	0,0000***
const	2,177	0,189	11,49	0,000***
R-квадрат — 0,49; Исправ. R-квадрат — 0,43				
* p < 0,1; **p < 0,05; *** p < 0,01				
Количество наблюдений — 1638				

В рамках тестирования первой рабочей гипотезы проверялось влияние восприятия эффективности работы полиции на доверие к правоохранительным органам. Ожидалось, что те, кто больше обеспокоен различными аспектами криминала в районе своего проживания, менее склонны выражать доверие или давать высокую оценку деятельности полиции. Регрессионный анализ показал частичное подтверждение гипотез: из двух переменных только одна («Преступность 1») получила статистически значимый результат. Это требует своего объяснения. В идеале полиция должна быть нейтральным агентом государства и закона, который поддерживает общие интересы в области общественного порядка (а не конкретные интересы — свои собственные или интересы других лиц) путем применения принуждения (Marenin, 1985). Полицейская организация должна уделять первоочередное внимание удовлетворению потребностей отдельных граждан и частных групп; быть подотчетной закону, а не правительству; защищать права человека; быть прозрачной в своей деятельности (Manning, 2015). Общее понимание демократической полицейской деятельности включает в себя подотчетность общественности, прозрачное принятие решений, отзывчивость по отношению к гражданам, репрезентативность населения в целом, уважение прав человека, приверженность верховенству закона и минимальное применение силы (Semukhina, Reynolds, 2014). По мнению исследователей, сотрудники российской полиции по большей части не являются политически нейтральными и бескорыстными служителями закона (Beck, Robertson, 2009). Большинство изменений, внесенных в систему МВД в течение последних трех десятилетий, не изменили природу постсоветской полицейской системы; она остается высокоцентрализованной, закрытой для общественности, военизированным ведомством с иерархическим подчинением и обширными административными функциями (Semukhina, Reynolds, 2013). Как утверждают Т. Гербер и С. Мендельсон, российская полицейская практика представляет собой пример хищнической деятельности, которая направлена, как правило, на личное обогащение, обслуживание интересов политического режима или высших должностных лиц (Gerber, Mendelson, 2008). Эту модель следует отличать от квазидемократической системы, или «модели полицейской деятельности в разделенном обществе», где полиция отражает интересы доминирующих элитных групп и систематически угнетает маргинальные группы населения (беднота, этнические меньшинства и политическая оппозиция) (Weitzer, 1995).

Считается, что коррупция в полиции является одной из главных причин общественного недоверия и неудовлетворенности работой правоохранительных органов. Основной вывод, имеющийся в литературе, заключается в том, что беспристрастность и честность очень важны для создания и поддержания доверия к полиции. Результаты регрессионного анализа подтверждают отрицательный характер взаимосвязи между переменными: повышение уровня восприятия коррупции на один процентный пункт приводит к снижению доверия к правоохранительным органам на 0,067 пункта при прочих равных условиях.

Коррупция в российской полиции — это старая и сложная проблема. Существует убеждение в том, что ее сотрудники систематически вовлечены в дела, противоречащие общественным интересам (Belianin, Kosals, 2015). Коррупция в полиции охватывает множество форм поведения и деятельности. К ним относят, например, получение взяток; вымогательство денег, товаров или услуг от отдельных лиц; «крышевание» и т. д. (Taylor, 2011). Необходимо отметить, что термин «коррупция в полиции» в литературе имеет несколько значений. В нашем исследовании используется определение, разработанное С. Ивковичем: это действие или бездействие, совершенные сотрудником полиции или группой сотрудников, характеризующиеся злоупотреблением сотрудником полиции своим служебным положением, мотивированные в значительной степени достижением личной выгоды (Ivkovic, 2015). Дж. Кляйниг также подчеркивает, что сотрудники полиции действуют коррумпированно, когда, осуществляя или не осуществляя свои полномочия, они действуют с намерением продвижения личных или ведомственных интересов (Kleinig, 1996). Дж. Робак и Т. Баркер предложили более широкое определение коррупции в полиции как любой формы девиантного, нечестного, ненадлежащего, неэтичного или преступного поведения сотрудника полиции (Roebuck, Barker, 1974). Исследователи выделяют пять видов такого поведения: лжесвидетельство и жестокость со стороны полиции, а также секс, сон и выпивка при исполнении служебных обязанностей (Barker, 1978).

В работе было протестировано влияние просмотра ТВ-новостей на доверие к полиции, которое опиралось главным образом на теорию культивирования и неоавторитарную модель СМИ. Теоретически ожидалось положительное влияние. Регрессионный анализ не подтвердил рабочую гипотезу (переменная оказалась статистически незначимой). Этому существуют два основных объяснения. Во-первых, общественное мнение о полиции формируется не только новостными сюжетами по федеральным телеканалам, но и посредством различных кинофильмов и сериалов о сотрудниках полиции и работе правоохранительных органов в целом. Исследователи отмечают, что как в художественной литературе, так и кинематографе преобладают отрицательные характеристики «служителей закона» (Мищенко, 2022; Сегал, 2023). Во-вторых, в исследовании медиаэффектов, помимо концепций о сильном прямом воздействии СМИ, существует точка зрения о «нулевых эффектах», согласно которой нет убедительных доказательств связи между потреблением медиаконтента и поведением аудитории, социальные факторы воздействия гораздо сильнее медиа. В качестве примера можно привести теорию подкрепления, которая была предложена Дж. Клаппером (Clapper, 1960). СМИ не оказывают доминирующего влияния на установки, убеждения и мотивы читателей, зрителей или слушателей. Медиаэффекты ограничены или оказывают минимальное воздействие (Heath, 2013).

Представляется необходимым интерпретировать также контрольные и фиктивные переменные. В работе проверялось положительное влияние социального доверия на отношение к правоохранительным органам. Данные статистического анализа подтверждают теоретическое ожидание: рост доверия к лицам, с кото-

рыми человек встречается в первый раз, на один пункт приводит к увеличению доверия к полиции на 0,094 пункта.

В научной литературе преобладает мнение, что нацменьшинства демонстрируют более низкий уровень доверия к полиции по сравнению с местными/коренными жителями. Результаты регрессионного анализа не подтверждают данный тезис (модель статистически незначима), что может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, отечественные ученые рассматривают российскую идентичность как государственно-гражданскую, утверждая, что среди россиян доминируют индикаторы общероссийского гражданского самосознания (75–80%) (Дробижина, Рыжова, 2015). По мнению исследователей, базовым консолидатором российской идентичности остается общее государство, русский язык, история и культура (Фадеев, 2022). Эксперты подчеркивают, что в национальных республиках уровень государственно-гражданской идентичности зачастую выше общероссийских показателей, т.к. ответственность за судьбу страны ощущается немного больше (Арутюнова, 2017). Во-вторых, этническая дискриминация в России в основном направлена против групп южного происхождения; мужчины из национальных меньшинств сталкиваются с более сильной дискриминацией по сравнению с женщинами; характер и масштабы этнической дискриминации различаются от региона к региону, что зависит от специфики национального состава населения субъекта РФ и истории межнациональных отношений (Bessudnov, Shcherbak, 2020).

Концепция постматериализма, насколько известно, особо не применялась к исследованиям отношения граждан к полицейской деятельности (McCarthy, Stoneman, Ka Ki Ho, 2022), тем не менее она может дать новый взгляд на рассматриваемую тему. Результаты исследования показывают, что уровень доверия постматериалистов к полиции ниже, чем у граждан, которые придерживаются материалистических ориентаций. Другими словами, чем больше число граждан с постматериалистическими ценностями, тем ниже уровень доверия к правоохранительным органам в стране.

Регрессионный анализ показал, что мужчины обладают более низким уровнем доверия к полиции по сравнению с женщинами. Данный вывод соответствует предшествующим исследованиям (Han, Sun, Hu, 2017). В то же время, если обратиться к тематике гендера и доверия в целом, то в научных работах нет единого мнения о направлении взаимосвязи. Несколько исследований показывают, что мужчины более доверчивы, чем женщины (Chaudhuri, Gangadharan, 2007), в то время как другие демонстрируют, что женщины более доверчивы, чем мужчины (Bellemare, Kroger, 2007). Третьи исследователи не находят гендерных различий в доверительном поведении (Schwieren, Sutter, 2008). Таким образом, данное академическое направление требует отдельного изучения.

## Заключение

Написание данной статьи было вызвано стремлением понять истоки доверия к полиции в России, расширить знания о том, как формируется доверие к право-

охранительным органам в стране. Исследовательский вопрос, поставленный вначале, заключался в изучении влияния трех теоретических положений — модели эффективности, теории институционального доверия, теории культивирования — на доверие населения к правоохранительным органам. Для этого были использованы данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследования ценностей. В результате проведения регрессионного анализа сделан ряд выводов. Обнаружено, что уровень преступности в районе проживания и восприятия безопасности получил только частичное эмпирическое подтверждение. Показано отрицательное влияние восприятия коррупции на доверие к полиции. Речь идет о том, что более благоприятное отношение к правоохранительным органам связано с более низким уровнем восприятия коррупции в этом общественном институте. Итогом исследования явилось то, что граждане с более высоким уровнем доверия в целом имеют положительное отношение к правоохранительным органам. Кроме того, выявлено, что уровень доверия постматериалистов к полиции ниже, чем у материалистов. Другими словами, чем больше число граждан с постматериалистическими ценностями, тем ниже уровень доверия к правоохранительным органам. Наконец, мужчины обладают более низким уровнем доверия к полиции по сравнению с женщинами.

Не получили подтверждения по итогам исследования два тезиса: о положительном влиянии просмотра ТВ-новостей на доверие к полиции и о негативном отношении к правоохранительным органам этнических меньшинств. Данные выводы имеют важную теоретическую значимость. Мы вносим свой вклад в изучение полиции, предоставляя новые данные об источниках доверия к правоохранительным органам. Существует несколько возможных направлений для будущих исследований, одним из которых является тестирование «экспрессивной»/неодюркгеймовской модели общественного доверия применительно к полиции. Важно указать и ограничения исследования, одним из которых является то, что основные выводы данной работы основаны на социологическом опросе, проведенном в России в 2017 году. Полагаем, что в условиях быстро меняющейся среды результаты этого исследования нельзя абсолютизировать и делать выводы относительно уровня доверия граждан к полиции по состоянию на 2024 год без дополнительной эмпирической проверки, на более актуальных данных.

## Литература

- Арутюнова Е. М. (2017). Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / М. К. Горшков (ред.). М.: Новый Хронограф. С. 259–272.
- Вельцель К. (2018). Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ».
- Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. (2012). Доверие к полиции: межстрановой анализ // Вопросы экономики. № 11. С. 24–47.

- Дробижева Л. М., Рыжова С. В.* (2015). Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. № 5. С. 9–24.
- Зуева О. В., Демидов Н. Н.* (2022). Доверие граждан к полиции в современной России: актуальное состояние и анализ факторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 2. С. 144–150.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.
- Коулман Дж.* (2001). Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.
- Мазаев Ю. Н.* (2004). Роль средств массовой информации в формировании общественного мнения о милиции // Социологические исследования. № 2. С. 106–115.
- Майоров В. И., Дунаева О. Н.* (2017). Полиция и общество: быть или не быть социальному партнерству // Социологические исследования. № 4. С. 43–51.
- Мищенко А. Н.* (2022). Языковой портрет полицейского (по материалам кинофильмов XX–XXI вв.) // Политическая лингвистика. № 3. С. 39–48.
- Мухаметов Р.* (2022). Международные детерминанты популярности президента России. Имеет ли значение эффект «сплочения вокруг флага»? // Международные процессы. № 3. С. 80–94.
- Норт Д.* (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Роуз-Аккерман С.* (2003). Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос.
- Ротштейн Б.* (2017). Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. № 1. С. 37–60.
- Сегал Н. А.* (2023). Образ полицейского в художественной литературе: семантико-прагматический аспект // Политическая лингвистика. № 1. С. 97–104.
- Фадеев П. В.* (2022). Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 78–95.
- Штомпка П.* (2016). Доверие — основа общества. М.: Логос.
- Ball-Rokeach S. J., DeFleur M. L.* (1976). A Dependency Model of Mass-Media Effects // Communication Research. № 3. P. 3–21.
- Barker T.* (1978). Empirical study of police deviance other than corruption // Journal of Police Science and Administration. № 6. P. 264–272.
- Beck A., Chistyakova Y.* (2002). Crime and policing in post-Soviet societies: Bridging the police/public divide // Policing and Society. Vol. 12. № 2. P. 123–137.
- Beck A., Robertson A.* (2009). The challenges to developing democratic policing in post-Soviet societies: the Russian experience // Police Practice and Research: An International Journal. Vol. 10. № 4. P. 285–293.
- Becker J.* (2004). Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System // European Journal of Communication. Vol. 19. № 2. P. 139–163.

- Becker J.* (2014) Russia and the new authoritarians. *Demokratizatsiya // The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 22. № 2. P. 191–206.
- Belianin A., Kosals L.* (2015). Collusion and corruption: an experimental study of Russian police. Working paper WP9/2015/03. Moscow: Higher School of Economics Publ. House.
- Bellemare C., Kroger S.* (2007). On Representative Social Capital // *European Economic Review*. Vol. 51. № 1. P. 183–202.
- Bessudnov A., Shcherbak A.* (2020). Ethnic Discrimination in Multi-ethnic Societies: Evidence from Russia // *European Sociological Review*. Vol. 36. № 1. P. 104–120.
- Browning L. M., Merlino M., Sharp J.* (2021). Citizen journalism and public cynicism toward police in the USA // *Journal of police and criminal psychology*. Vol. 36. № 3. P. 372–385.
- Chaudhuri A., Gangadharan L.* (2007). An Experimental Analysis of Trust and Trustworthiness // *Southern Economic Journal*. Vol. 73. № 4. P. 959–985.
- Dennis J.* (1976). Who supports the presidency? // *Society*. № 13. P. 48–53.
- Gerbner G.* (1988). Cultivation Analysis: an Overview // *Mass communication & society*. Vol. 1. № ¾. P. 175–194.
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N.* (1982). Charting the Mainstream: Television's Contributions to Political Orientations // *Journal of Communication*. Vol. 32. № 2. P. 100–127.
- Gerber T., Mendelson S.* (2008). Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? // *Law & Society Review*. Vol. 42. № 1. P. 1–44.
- Han Z., Sun I. Y., Hu R.* (2017). Social trust, neighborhood cohesion, and public trust in the police in China // *Policing: an international journal of police Strategies & management*. Vol. 40. № 2. P. 380–394.
- Hardin R.* (2002). Trust and trustworthiness // *The Routledge handbook of trust and philosophy* / S. Simon (ed.). New York, NY: Russell Sage Foundation. P. 28–193.
- Heath R.* (2013). Reinforcement theory // *Encyclopedia of public relations* / R. Heath (ed.). New York, NY: SAGE Publications. P. 738–740.
- Inglehart R.* (1977). *The silent revolution. Changing values and political styles among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press.
- Ivkovic S. K.* (2005). *Fallen blue knights: Controlling police corruption*. Oxford: Oxford University Press.
- Jackson J., Bradford B., Hough M., Kuha J., Stares S., Widdop S., Fitzgerald R., Yordanova M., Galev T.* (2011). Developing European indicators of trust in justice // *European Journal of Criminology*. Vol. 8. № 4. P. 267–285.
- Jackson L., Gau J.* (2016). Carving Up Concepts? Differentiating Between Trust and Legitimacy in Public Attitudes Towards Legal Authority // *Interdisciplinary perspectives on trust: Towards theoretical and methodological integration* / E. Shockley E., Neal T., PytlikZillig L., Bornstein B. (eds.). Cham: Springer. P. 49–69.
- Jang H., Joo H.-J., Zhao J.* (2010). Determinants of public confidence in police: An international perspective // *Journal of Criminal Justice*. Vol. 38. № 1. P. 57–68.



- Kaariainen J., Siren R.* (2011). Trust in the police, generalized trust and reporting crime // *European Journal of Criminology*. Vol. 8. № 1. P. 65–81.
- Klapper J.* (1960). *The effects of mass communication*. New York: Free Press.
- Kleinig J.* (1996). *The Ethics of Policing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klitgard R.* (1991). *Controlling corruption*. University of California Press.
- Kochel R., Weisburd D.* (2019). The impact of hot spots policing on collective efficacy: Findings from a randomized field trial // *Justice Quarterly*. Vol. 36. № 5. P. 900–928.
- Koster N.N.* (2017). Victims' perceptions of the police response as a predictor of victim cooperation in the Netherlands: A prospective analysis // *Psychology, Crime & Law*. Vol. 23. № 3. P. 201–220.
- Kristina M.* (2009). Public satisfaction with police: The importance of procedural justice and police performance in police-citizen encounters // *Australian & New Zealand journal of criminology*. Vol. 42. № 2. P. 159–178.
- Levi M.* (1996). *A State of Trust*. European University Institute.
- Levi M.* (2000). Political Trust and Trustworthiness // *Annual Review of Political Science*. Vol. 3. № 1. P. 475–507.
- Li F., Sun I. Y., Wu Y., Liu S.* (2021). The mediating roles of law legitimacy and police legitimacy in predicting cooperation with police in China // *Journal of Criminology*. Vol. 54. № 2. P. 201–219.
- Lipsky M.* (1983). *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. Russell Sage Foundation.
- Manning P.* (2015). *Democratic Policing in a changing world*. New York: Routledge.
- Marenin O.* (1985). Review: Police Performance and State Rule: Control and Autonomy in the Exercise of Coercion // *Comparative Politics*. Vol. 18. № 1. P. 101–122.
- Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D.* (1995). An Integrative Model of Organizational Trust // *Academy of Management Review*. Vol. 20. № 3. P. 709–734.
- McCarthy D., Stoneman P., Ka Ki Ho L.* (2022). Explaining confidence in the police within transitional Hong Kong: the influence of postmaterial values // *Policing and Society*. Vol. 33. № 4. P. 1–15.
- Möllering G.* (2006). *Trust: Reason, routine, reflexivity*. Amsterdam: Elsevier.
- Mungiu-Pippidi A.* (2013). Becoming Denmark: Historical Designs of Corruption Control // *Social Research: An International Quarterly*. Vol. 80. № 4. P. 1259–1286.
- Oates S.* (2007). The Neo-Soviet Model of the Media // *Europe-Asia Studies*. Vol. 59. № 8. P. 1279–1297.
- PytlikZillig L., Hamm J., Shockley E., Herian M., Neal T., Kimbrough C., Tomkins A., Bornstein B.* (2016). The dimensionality of trust-relevant constructs in four institutional domains: results from confirmatory factor analyses // *Journal of Trust Research*. Vol. 6. № 2. P. 111–150.
- Reynolds K.M., Semukhina O.B., Demidov N.N.* (2008). A longitudinal analysis of public satisfaction with the police in the Volgograd region of Russia (1998–2005) // *International Criminal Justice Review*. Vol. 18. № 2. P. 158–189.

- Röder A., Mühlau p. (2012). What determines the trust of immigrants in criminal justice institutions in Europe // *European Journal of Criminology*. Vol. 9. № 4. P. 370–387.
- Roebuck J. B., Barker T. (1974). A typology of police corruption // *Social Problems*. Vol. 21. № 3. P. 423–437.
- Rosanvallon P., Goldhammer A. (2008). *Counter-Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rothstein B., Stolle D. (2001). Social Capital and Street-Level Bureaucracy: An Institutional Theory of Generalized Trust // *ESF Conference Social Capital: Interdisciplinary Perspectives*. United Kingdom: Exeter. P. 71–83.
- Rothstein B., Stolle D. (2003). Social Capital, Impartiality and the Welfare State: An Institutional Approach // *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in Comparative Perspective* / M. Hooghe, D. Stolle (eds.). New York: Palgrave Macmillan. P. 191–209.
- Rothstein B., Teorell J. (2008). What Is Quality of Government: A Theory of Impartial Political Institutions // *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*. Vol. 21. № 2. P. 165–190.
- Schwieren C., Sutter M. (2008). Trust in Cooperation or Ability? An Experimental Study on Gender Differences // *Economics Letters*. Vol. 99. № 3. P. 494–497.
- Semukhina O. (2018). The evolution of policing in post-soviet Russia: Paternalism versus service in police. Officers' understanding of their role // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 51. № 3. P. 215–229.
- Semukhina O., Reynolds M. (2014). Russian citizens' perceptions of corruption and trust of the police // *Policing and Society*. Vol. 24. № 2. P. 158–188.
- Semukhina O., Reynolds M. (2013). *Understanding the Modern Russian Police*. New York: Routledge.
- Tankebe J. (2010). Public confidence in the police: Testing the effects of public experiences of police corruption in Ghana // *British Journal of Criminology*. Vol. 50. № 2. P. 296–319.
- Taylor B. (2011). *State Building in Putin's Russia Policing and Coercion after Communism*. Cambridge University Press.
- Tyler T. (2005). Policing in Black and White: Ethnic Group Differences in Trust and Confidence in the Police // *Police Quarterly*. Vol. 8. № 3. P. 322–342.
- Tyler T. (2006). *Why People Obey the Law*. Princeton: Princeton University Press.
- Tyler T., Huo Y. J. (2002). *Trust in the Law*. New York: Russell Sage Foundation.
- Tyler T., Wakslak C. (2004). Profiling and the legitimacy of the police // *Criminology*. Vol. 42. № 2. P. 13–42.
- Uslaner E. (2002). *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press.
- van Craen M. (2012). Explaining majority and minority trust in the police // *Justice Quarterly*. Vol. 9. № 3. P. 1042–1067.
- Weitzer R. (1995). *Policing Under Fire: Ethnic Conflict and Police-Community Relations in Northern Ireland*. New York: State University of New York Press.

- Weitzer R., Tuch S. A. (2005). Determinants of public satisfaction with the police // *Police Quarterly*. Vol. 8. № 3. P. 279–297.
- White D. R., Kyle M. J., Schafer J. A. (2021). Police self-legitimacy and democratic orientations: Assessing shared values // *International Journal of Police Science & Management*. Vol. 23. № 4. P. 431–444.
- Wu Y., Sun I. Y., Hu R. (2021). Cooperation with police in China: surveillance cameras, neighborhood efficacy and policing // *Social Science Quarterly*. Vol. 102. № 1. P. 433–453.
- Wuschke K., Henning K., Stewart G. (2022). Dots versus density: the impact of crime mapping techniques on perception of safety, police performance and neighborhood quality // *Policing and Society*. Vol. 32. № 1. P. 1–17.
- Zernova M. (2012). The public image of the contemporary Russian police: Impact of personal experiences of policing, wider social implications and the potential for change // *Policing: An International Journal*. Vol. 35. № 2. P. 216–230.

## Why Do the Citizens Trust the Police?

*Ruslan S. Mukhametov*

Candidate of Political Science, Assistant Professor, Department of Political Science, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Address: Lenin Avenue, 51, Ekaterinburg, 620083 Russian Federation

E-mail: muhametov.ru@mail.ru

This study is devoted to the investigation of factors affecting the level of trust in the Russian police. The main research issue of the article is to understand why some citizens trust law enforcement agencies, while others do not. To achieve this goal, data obtained during the 7th wave of the World Values Survey were used. The method of analyzing quantitative data was ordinal logistic regression. It is shown that the crime rate in the area of residence and the perception of security have received only partial empirical confirmation. The positive influence of the perception of corruption on trust in the police was found. The article also portrays how a more favorable attitude towards law enforcement agencies is associated with higher corruption. The author comes to the conclusion that citizens with higher levels of trust generally have more positive attitudes towards law enforcement agencies. It has been established that the level of trust of post-materialists in the police is lower than that of materialists. Statistical analysis has shown that an increase in the number of citizens with post-materialistic values leads to a decrease in the level of trust in law enforcement agencies. The author found that men have a lower level of trust in the police compared to women. The significance of the study lies in the fact that it can provide useful and practical recommendations for improving the work of the police and increasing the level of public confidence in it.

*Keywords:* police, law enforcement agencies, trust, corruption, media, ethnic minorities.

## References

- Arutjunova E. M. (2017) Gosudarstvenno-grazhdanskaja i jetnicheskaja identichnosti molodezhi: obshherossijskij kontekst i regional'naja specifika [State-civil and ethnic identities of youth: the

- all-Russian context and regional specificity]. *Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik* [Reforming Russia: yearbook] (ed. M. K. Gorshkov), Moscow: Novyj Hronograf, pp. 259–272.
- Ball-Rokeach S. J., DeFleur M. L. (1976) A Dependency Model of Mass-Media Effects. *Communication Research*, no 3, pp. 3–21.
- Barker T. (1978) Empirical study of police deviance other than corruption. *Journal of Police Science and Administration*, no 6, pp. 264–272.
- Beck A., Chistyakova Y. (2002) Crime and policing in post-Soviet societies: Bridging the police/public divide. *Policing and Society*, vol. 12, no 2, pp. 123–137.
- Beck A., Robertson A. (2009) The challenges to developing democratic policing in post-Soviet societies: the Russian experience. *Police Practice and Research: An International Journal*, vol. 10, no 4, pp. 285–293.
- Becker J. (2004) Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System. *European Journal of Communication*, vol. 19, no 2, pp. 139–163.
- Becker J. (2014) Russia and the new authoritarians. *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 22, no 2, pp. 191–206.
- Belianin A., Kosals L. (2015) Collusion and corruption: an experimental study of Russian police. Working paper WP9/2015/03. Moscow: Higher School of Economics Publ. House.
- Bellemare C., Kroger S. (2007) On Representative Social Capital. *European Economic Review*, vol. 51, no 1, pp. 183–202.
- Bessudnov A., Shcherbak A. (2020) Ethnic Discrimination in Multi-ethnic Societies: Evidence from Russia. *European Sociological Review*, vol. 36, no 1, pp. 104–120.
- Browning L. M., Merlino M., Sharp J. (2021) Citizen journalism and public cynicism toward police in the USA. *Journal of police and criminal psychology*, vol. 36, no 3, pp. 372–385.
- Chaudhuri A., Gangadharan L. (2007) An Experimental Analysis of Trust and Trustworthiness. *Southern Economic Journal*, vol. 73, no 4, pp. 959–985.
- Dennis J. (1976) Who supports the presidency? *Society*, no 13, pp. 48–53.
- Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. (2015) Grazhdanskaja i jetnicheskaja identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii [Civil and ethnic identity and the image of the desired state in Russia]. *Polis. Political studies*, no 5, pp. 9–24.
- Fadeev P. V. (2022) Rossijskaja gosudarstvenno-grazhdanskaja identichnost' skvoz' prizmu vosprijatija istorii, kul'tury i obshhestvenno-politicheskoj zhizni [Russian state-civil identity through the prism of perception of history, culture and socio-political life]. *Sociological science and social practice*, no 3, pp. 78–95.
- Gerbner G. (1988) Cultivation Analysis: an Overview. *Mass communication & society*, vol. 1, no ¾, pp. 175–194.
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. (1982) Charting the Mainstream: Television's Contributions to Political Orientations. *Journal of Communication*, vol. 32, no 2, pp. 100–127.
- Gerber T., Mendelson S. (2008) Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? *Law & Society Review*, vol. 42, no 1, pp. 1–44.
- Gimpel'son V. E., Monusova G. A. (2012) Doverie k policii: mezhstranovoj analiz [Trust in the police: a cross-country analysis]. *Questions of Economics*, no 11, pp. 24–47.
- Han Z., Sun I. Y., Hu R. (2017) Social trust, neighborhood cohesion, and public trust in the police in China. *Policing: an international journal of police Strategies & management*, vol. 40, no 2, pp. 380–394.
- Hardin R. (2002) Trust and trustworthiness. *The Routledge handbook of trust and philosophy* (ed. S. Simon), New York: Russell Sage Foundation, pp. 28–193.
- Heath R. (2013) Reinforcement theory. *Encyclopedia of public relations* (ed. R. Heath), New York: SAGE Publications, pp. 738–740.
- Inglehart R. (1977) The silent revolution. Changing values and political styles among Western Publics. Princeton: Princeton University Press.
- Inglhart R., Vel'cel' K. (2011) *Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Ivkovic S. K. (2005) *Fallen blue knights: Controlling police corruption*, Oxford: Oxford University Press.

- Jackson J., Bradford B., Hough M., Kuha J., Stares S., Widdop S., Fitzgerald R., Yordanova M., Galev T. (2011) Developing European indicators of trust in justice. *European Journal of Criminology*, vol. 8, no 4, pp. 267–285.
- Jackson L., Gau J. (2016) Carving Up Concepts? Differentiating Between Trust and Legitimacy in Public Attitudes Towards Legal Authority. *Interdisciplinary perspectives on trust: Towards theoretical and methodological integration* (eds. E. Shockley, T. Neal, L. PytlikZillig, B. Bornstein), Cham: Springer, pp. 49–69.
- Jang H., Joo H.-J., Zhao J. (2010) Determinants of public confidence in police: An international perspective. *Journal of Criminal Justice*, vol. 38, no 1, pp. 57–68.
- Kaariainen J., Siren R. (2011) Trust in the police, generalized trust and reporting crime. *European Journal of Criminology*, vol. 8, no 1, pp. 65–81.
- Klapper J. (1960) *The effects of mass communication*, New York: Free Press.
- Kleinig J. (1996) *The Ethics of Policing*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Klitgard R. (1991) *Controlling corruption*, University of California Press.
- Kochel R., Weisburd D. (2019) The impact of hot spots policing on collective efficacy: Findings from a randomized field trial. *Justice Quarterly*, vol. 36, no 5, pp. 900–928.
- Koster N. N. (2017) Victims' perceptions of the police response as a predictor of victim cooperation in the Netherlands: A prospective analysis. *Psychology, Crime & Law*, vol. 23, no 3, pp. 201–220.
- Koulman Dzh. (2001) Kapital social'nyj i chelovecheskij [Social and human capital]. *Social sciences and modernity*, no 3, pp. 122–139.
- Kristina M. (2009) Public satisfaction with police: The importance of procedural justice and police performance in police-citizen encounters. *Australian & New Zealand journal of criminology*, vol. 42, no 2, pp. 159–178.
- Levi M. (1996) *A State of Trust*. European University Institute.
- Levi M. (2000) Political Trust and Trustworthiness. *Annual Review of Political Science*, vol. 3, no 1, pp. 475–507.
- Li F., Sun I. Y., Wu Y., Liu S. (2021) The mediating roles of law legitimacy and police legitimacy in predicting cooperation with police in China. *Journal of Criminology*, vol. 54, no 2, pp. 201–219.
- Lipsky M. (1983) *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. Russell Sage Foundation.
- Majorov V. I., Dunaeva O. N. (2017) Policija i obshhestvo: byt' ili ne byt' social'nomu partnerstvu [Police and society: to be or not to be a social partnership]. *Sociological research*, no 4, pp. 43–51.
- Manning P. (2015) *Democratic Policing in a changing world*, New York: Routledge.
- Marenin O. (1985) Review: Police Performance and State Rule: Control and Autonomy in the Exercise of Coercion. *Comparative Politics*, vol. 18, no 1, pp. 101–122.
- Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. (1995) An Integrative Model or Organizational Trust. *Academy of Management Review*, vol. 20, no 3, pp. 709–734.
- Mazaev Ju. N. (2004) Rol' sredstv massovoj informacii v formirovanii obshhestvennogo mnenija o milicij [The role of mass media in the formation of public opinion about the police]. *Sociological research*, no 2, pp. 106–115.
- McCarthy D., Stoneman P., Ka Ki Ho L. (2022) Explaining confidence in the police within transitional Hong Kong: the influence of postmaterial values. *Policing and Society*, vol. 33, no 4, pp. 1–15.
- Mishhenko A. N. (2022) Jazykovej portret policejskogo (po materialam kinofil'mov XX–XXI vv.) [Linguistic portrait of a policeman (based on the materials of films of the XX–XXI centuries)]. *Political linguistics*, no 3, pp. 39–48.
- Möllering G. (2006) *Trust: Reason, routine, reflexivity*. Amsterdam: Elsevier.
- Muhametov R. (2022) Mezhdunarodnye determinanty populjarnosti prezidenta Rossii. Imet li znachenie jeffekt «splochenija vokrug flaga»? [International determinants of the popularity of the President of Russia. Does the effect of «rallying around the flag» matter?]. *International processes*, no 3, pp. 80–94.
- Mungiu-Pippidi A. (2013) Becoming Denmark: Historical Designs of Corruption Control. *Social Research: An International Quarterly*, vol. 80, no 4, pp. 1259–1286.
- Oates S. (2007) The Neo-Soviet Model of the Media. *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no 8, pp. 1279–1297.

- Nort D. (1997) *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy], Moscow: Fond jekonomicheskoy knigi «Nachala».
- PytlikZillig L., Hamm J., Shockley E., Herian M., Neal T., Kimbrough C., Tomkins A., Bornstein B. (2016) The dimensionality of trust-relevant constructs in four institutional domains: results from confirmatory factor analyses. *Journal of Trust Research*, vol. 6, no 2, pp. 111–150.
- Reynolds K. M., Semukhina O. B., Demidov N. N. (2008) A longitudinal analysis of public satisfaction with the police in the Volgograd region of Russia (1998–2005). *International Criminal Justice Review*, vol. 18, no 2, pp. 158–189.
- Röder A., Mühlau p. (2012) What determines the trust of immigrants in criminal justice institutions in Europe. *European Journal of Criminology*, vol. 9, no 4, pp. 370–387.
- Roebuck J. B., Barker T. (1974) A typology of police corruption. *Social Problems*, vol. 21, no 3, pp. 423–437.
- Rosanvallon P., Goldhammer A. (2008) *Counter-Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rothstein B., Stolle D. (2001) Social Capital and Street-Level Bureaucracy: An Institutional Theory of Generalized Trust. *ESF Conference Social Capital: Interdisciplinary Perspectives*, United Kingdom: Exeter, pp. 71–83.
- Rothstein B., Stolle D. (2003) Social Capital, Impartiality and the Welfare State: An Institutional Approach. *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in Comparative Perspective* (eds. M. Hooghe, D. Stolle), New York: Palgrave Macmillan, pp. 191–209.
- Rothstein B., Teorell J. (2008) What Is Quality of Government: A Theory of Impartial Political Institutions. *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*, vol. 21, no 2, pp. 165–190.
- Rotshtejn B. (2017) Korrupcija i obshhestvennoe doverie: pochemu ryba gniet s golovy [Corruption and public trust: why the fish rots from the head]. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, no 1, pp. 37–60.
- Rouz-Akkerman S. (2003) *Korrupcija i gosudarstvo. Prichiny, sledstvija, reform* [Corruption and the state. Causes, consequences, reforms], Moscow: Logos.
- Schwieren C., Sutter M. (2008) Trust in Cooperation or Ability? An Experimental Study on Gender Differences. *Economics Letters*, vol. 99, no 3, pp. 494–497.
- Segal N. A. (2023) Obraz policejskogo v hudozhestvennoj literature: semantiko-pragmaticheskij aspekt [The image of a policeman in fiction: a semantic and pragmatic aspect]. *Political linguistics*, no 1, pp. 97–104.
- Semukhina O. (2018) The evolution of policing in post-soviet Russia: Paternalism versus service in police. Officers' understanding of their role. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 51, no 3, pp. 215–229.
- Semukhina O., Reynolds M. (2014) Russian citizens' perceptions of corruption and trust of the police. *Policing and Society*, vol. 24, no 2, pp. 158–188.
- Semukhina O., Reynolds M. (2013) *Understanding the Modern Russian Police*, New York: Routledge.
- Shtompka p. (2016). *Doverie — osnova obshhestva* [Trust is the foundation of society], Moscow: Logos.
- Tankebe J. (2010) Public confidence in the police: Testing the effects of public experiences of police corruption in Ghana. *British Journal of Criminology*, vol. 50, no 2, pp. 296–319.
- Taylor B. (2011) *State Building in Putin's Russia Policing and Coercion after Communism*, Cambridge University Press.
- Tyler T. (2005) Policing in Black and White: Ethnic Group Differences in Trust and Confidence in the Police. *Police Quarterly*, vol. 8, no 3, pp. 322–342.
- Tyler T. (2006) *Why People Obey the Law*, Princeton: Princeton University Press.
- Tyler T., Huo Y. J. (2002) *Trust in the Law*, New York: Russell Sage Foundation.
- Tyler T., Wakslak C. (2004) Profiling and the legitimacy of the police. *Criminology*, vol. 42, no 2, pp. 13–42.
- Uslaner E. (2002) *The Moral Foundations of Trust*, Cambridge: Cambridge University Press.
- van Craen M. (2012) Explaining majority and minority trust in the police. *Justice Quarterly*, vol. 9, no 3, pp. 1042–1067.

- Vel'cel' K. (2018) *Rozhdenie svobody* [The Birth of Freedom], Moscow: AO «VCIOM».
- Weitzer R. (1995) *Policing Under Fire: Ethnic Conflict and Police-Community Relations in Northern Ireland*, New York: State University of New York Press.
- Weitzer R., Tuch S. A. (2005) Determinants of public satisfaction with the police. *Police Quarterly*, vol. 8, no 3, pp. 279–297.
- White D. R., Kyle M. J., Schafer J. A. (2021) Police self-legitimacy and democratic orientations: Assessing shared values. *International Journal of Police Science & Management*, vol. 23, no 4, pp. 431–444.
- Wu Y., Sun I. Y., Hu R. (2021) Cooperation with police in China: surveillance cameras, neighborhood efficacy and policing. *Social Science Quarterly*, vol. 102, no 1, pp. 433–453.
- Wuschke K., Henning K., Stewart G. (2022) Dots versus density: the impact of crime mapping techniques on perception of safety, police performance and neighborhood quality. *Policing and Society*, vol. 32, no 1, pp. 1–17.
- Zernova M. (2012) The public image of the contemporary Russian police: Impact of personal experiences of policing, wider social implications and the potential for change. *Policing: An International Journal*, vol. 35, no 2, pp. 216–230.
- Zueva O. V., Demidov N. N. (2022) Doverie grazhdan k policii v sovremennoj Rossii: aktual'noe sostojanie i analiz faktorov [Citizens' trust in the police in modern Russia: the current state and analysis of factors]. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, no 2, pp. 144–150.